

Композиция и космология плача Ярославны

Рассказ о Ярославне в «Слове о полку Игореве»¹ слагается из вступления и троекратного плача. В первой, вступительной части три моторно-слуховых глагола, представленных формами третьего лица единственного числа и возвецающих монолог героини (168 *ся слышитъ—кычетъ* — 169 *рече*), сплетаются с тремя глаголами действия, отнесенными к первому лицу единственного числа, — тройным заговорным зачином (169 *полечю*—170 *омочю*—171 *утру*), образуя симметричный ряд: 3, 3, 1, 3, 1, 1. Каждый из трех разделов второй, основной части вводится почти одинаковым предложением: 172, 177, 181 *Ярославна рано плачетъ . . . аркучи*, т. е. снова, как и в первой части, моторно-слуховой глагол в форме третьего лица единственного числа оповещает о заклинательном причитании княгини. Вслед за каждым из трех оповещений выступает обращение из трех ударных слов: 173 *О вѣтрѣ, вѣтрило!*—178 *О Днепре Словугицю!*—182 *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* Когда зачин, обращенный к неведомому слушателю (168 *земли незнаемѣ*) смеяется четко названным адресатом, первое лицо уступает место второму. Каждое из трех воззваний содержит по три конкретных глагола во втором лице единственного числа, а внутри каждого воззвания все три предложения с этими сказуемыми связаны между собою грамматическим параллелизмом:

1) 173 *чему . . . вѣши?*—174 *чему мычещи . . . ?* - *чему . . . развѣ?*

2) 178 *ты пробиль еси*—179 *ты лелѣль еси*—180 *възлелѣй* (причем за каждым глаголом следует сперва прямое дополнение, затем предложная конструкция).

3) 183 *простре* — *съпряже* — *затче* (все три глагола принадлежат вопросительным предложениям, как в первом воззвании, лишь с той разницей, что адвербиализованное местоимение *чему* здесь опущено в последних двух вопросах; все три предложения содержат по прямому и косвенному дополнению, а в обоих эллиптических вопросах параллелизм, сверх того, подчеркнут формами инструментала, схожими морфологически и синтаксически: «жаждею имь лучи съпряже, тугою имь туди затче»).

Композиционное сродство всех трех воззваний, двух крайних, вопросительных, и среднего, восклицательно-императивного, достигается тождественным обращением 173, 176, 180, 183 *господине* и одинаковым обозначением Игоря в сходном словесном обрамлении: 174 *на своєю нструд-*

¹ В основу цитат и их нумерации положено наше критическое издание «Слова о полку Игореве»: R. Jakobson. Selected Writings, vol. IV. Hague—Paris, 1966, стр. 146 и сл. (цифры означают «стихи» — абзацы текста «Слова»).

ною крильцю... на моя лады вои — 180 мою ладу — 183 свою лучю на ладѣ вои.

Принцип троичности, на котором построен плач Ярославны, находит свое характерное выражение в ступенчатом эпитете 182 *свѣтлос и тресвѣтлос*, включенном в тройственный ряд паронимов: 173 *О вѣтре, вѣтрило! чсму, господине* — 182 *Свѣилое и тресвѣтлос слънце!* — 183 *Чему, господине, простре...*

Три адресата заклинательных зовов Ярославны явственно принадлежат трем ярусам мироздания, «the three phenomenal divisions of the tripartite universe», запечатленным в космологической традиции индоевропейских народов и обследованным на индоиранском и греко-римском материале в целом ряде основоположных трудов: J. Gonda. *Loka-World and Heaven in the Veda*. Amsterdam, 1966; H. S. Nyberg. *Die Religionen des alten Iran*. Leipzig, 1938; G. Dumézil. *Jupiter, Mars, Quirinus*. Paris, 1941; E. Vernéris. *Symbolisme social dans les cultes gréco-italiques*. *Revue de l'Histoire des Religions*, vol. CXXIX (1945). Высшая область — небо, низшая — земля, средняя — промежуточный мир между небом и землей. Низшая сфера обретается либо на уровне земли, либо ниже ее уровня, в этом случае нередко на водном уровне, и тогда понятие средней сферы может быть распространено и на земную поверхность. Б. В. Сапунов справедливо усматривает в плаче Ярославны явственные пережитки дохристианской культовой символики.² *Numina caelestia, media et terrestria* представлены здесь Господином Тресветлым Солнцем, Господином Ветром Ветрилом и Господином Днепром Словоутичем. Магической мощью наделен зов зегзицы к трем стихиям; поэтому воды, ветры и солнце сопутствуют спасительному бегству Игоря. Плач Ярославны — последний в «Слове» из трех образов трехъярусной вселенной, а два первых образа в свою очередь сочетаются с темой волшебства. В первом зачине «Слова» вещий Боян *з* «растѣкашется мыслию по древу (дерево наряду с ветром — традиционный символ промежуточной сферы между землей и небом, — Р. Я.), стѣрымъ вѣкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы». Второй зачин вызывает к вешнему Бояну, Велесову внуку: 14 «абы ты сѧ плъкы ущеко-таль, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы... риша въ тропу Трояню чресъ поля на горы».

Все три названных образа трехъярусного мира характеризуются двумя общими чертами: обе крайние сферы выступают в непосредственной смежности (высшая вслед за низшей в первом зачине и в плаче и, наоборот, низшая вслед за высшей во втором зачине); промежуточная сфера во всех трех случаях фигурирует на первом месте (дерево в обоих зачинах, ветер в плаче). Быть может, вступление к плачу подготавливает ряд — Ветер, Днепр, Солнце — обратным, зеркальным порядком мотивов: 169 *Полечю ... зегзицсю* (ср. орлиный полет в первом, соловьиный во втором приступе), 170 *Омочю ... въ Каялъ рѣцѣ*, 171 *Утру князю ... раны* (взойдя на берег).

Как уже было указано выше, призыв к каждой из трех стихийных сил содержит по три конкретных глагола во втором лице единственного числа, причем все три предложения с этими сказуемыми связаны между собой грамматическим параллелизмом. Следует отметить, что каждое из трех воззваний заключает, помимо трех вышеотмеченных параллельных предложений, еще по одному предложению с финитной глагольной формой, совер-

² Б. В. Сапунов. *Ярославна и древнерусское язычество*. — В кн.: *Слово о полку Игореве* — памятник XII века. М—Л., 1962, стр. 321—329. О мифологических элементах в «Слове» см. также: R. Jakobson. *Selected Writings*, vol. IV, стр. 288—294, 301—357, 701—702.

шенно отличной по своему грамматическому строю от всех девяти глаголов, составляющих основу трех зовов Ярославны. Так, в вопросах, обращенных к Ветру, единственная в плаче бессубъектная конструкция 175 *Мало ли ти бяшесть* отличается, кроме того, имперфектом и третьим лицом от всех остальных сказуемых в монологе Ярославны.

В призыве к Днепру форма 180 *абыхъ не слала* отличается и лицом, и наклоном от всех прочих глаголов в трех зовах княгини и служит единственным во всем тексте сказуемым придаточного предложения.

Единственное повествовательное предложение в речи к Солнцу — 182 *всѣмъ тепло и красно еси* — отличается участием глагольной связки от прочих предложений плача, за исключением вышеприведенной конструкции 175 *Мало ли ти бяшесть*, и служит на весь текст одиноким примером сочетания однородных членов: *тепло и красно*, тогда как симметричные предложения характеризуются не внутренней, а взаимной однородностью.

Таким образом, каждый из трех призывов Ярославны состоит из трех симметричных и одного асимметричного предложения, причем весьма показательное распределение всех трех асимметричных предложений. В призыве к господину низшей сферы, Днепру Словутичу, асимметричный придаток следует за последним из трех симметричных предложений (180 *Възлежь, господине, мою ладу къ мне, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!*). В призыве к господину высшей сферы, тресветлому Солнцу, асимметричный придаток предшествует первому из трех симметричных предложений (182 *всѣмъ тепло и красно еси*; 183 *Чему, господине, простре горячую свою лущю на ладъ вои*). В призыве же к господину средней сферы, Ветру Ветрилу, асимметричный придаток, вставной полемический вопрос, предшествует последнему из трех симметричных предложений (175 *Мало ли ти бяшесть горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?* 176 *Чему, господине, мое веселе по ковылю развѣя?*) Иными словами, асимметричное предложение служит заключительным отступом речи, обращенной вниз, начальным приступом к симметричным предложениям, адресованным ввысь, внутренним отягощением трехчленной речи к серединной, промежуточной стихии; при этом где бы ни находился асимметричный придаток, к нему всегда непосредственно примыкает предложение с почетным вокативом *господине*. Этим истовым титулом Ярославна величает господина высшей сферы в начальном из трех симметричных предложений, господина низшей сферы в конечном, а господина средней сферы и в начальном и в конечном из трех симметричных предложений. Соответственно говорят о *ладе*, герое молебны, первое симметричное предложение в речи к Солнцу, третье, последнее, в речи к Днепру и второе, т. е. среднее, в речи к Ветру, властителю средней сферы